

*В. А. Ачкасов***КОНЦЕПТ «ДИЛЕММА БЕЗОПАСНОСТИ» В ИССЛЕДОВАНИИ ДИНАМИКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ**

Согласно концепции Б. Позена, «дилемма безопасности» в межэтнических отношениях, как правило, возникает в условиях ослабления или коллапса центральной власти. То есть если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на предотвращение политизации этничности, обеспечение коммуникации между этническими группами и обуздание их притязаний (или не имеют возможностей и ресурсов для этого), возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности. Это открывает «окно возможностей» перед «этническими предпринимателями» национальных меньшинств государства. Однако при таких обстоятельствах этнополитическая мобилизация одной из групп может интерпретироваться другой как угроза, особенно при наличии негативного исторического опыта в их взаимоотношениях. Не случайно многие исследователи этнических конфликтов считают, что он порождается ощущением угрозы безопасности, возникающей у членов одной этнической группы, в ситуации, когда им неизвестны намерения противостоящей группы, к которой они настроены враждебно или которой приписывают враждебные намерения. При этом не имеет значения, реальна эта угроза или нет: согласно теореме Томаса, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим следствиям.

В результате стороны начинают представлять свои противоречия с противостоящей группой как угрозу безопасности для членов данного сообщества. Эти ощущаемые (приписываемые или провоцируемые) угрозы могут служить стимулами для упреждающей атаки или для ответной этнополитической мобилизации, которая, в свою очередь воспринимается или интерпретируется лидерами другой группы как угроза их безопасности. Таким образом, «усилия каждого из участников по обеспечению собственной безопасности приводят, напротив, к возрастанию вероятности вооруженного столкновения», поскольку они порождают мобилизационную спираль, и могут привести к началу насильственных действий. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: дилемма безопасности, этнополитический конфликт, этнический предприниматель, мобилизационная спираль.

*V. A. Achkasov***THE CONCEPT OF “SECURITY DILEMMA” IN ANALYSING THE DYNAMICS OF ETHNO-POLITICAL CONFLICTS”**

According to the B. Posen's concept, a “security dilemma” occurs in situations of weakness or collapse of central authorities. Consequentially, if public institutions do not undertake efforts to prevent the politicisation of ethnicity, to provide communication between ethnic groups and to allow their claims (or do not have the capacity and resources to do so), then the risk that ethnic groups will face the security dilemma increases. This opens a “window of opportunity” for “ethnic entrepreneurs”. However, the ethno-political mobilisation of one group may be interpreted by the other as a threat, especially in the presence of negative historical experience in their relationship. It's not surprising that many researchers into ethnic conflicts have strong beliefs that such conflicts generate a sense of security threats between members of one ethnic group, in a situation when they do not know the intention of the opposing group to which they are hostile or who ascribe a hostile intent. It does not matter whether the threat is real or not: according to Thomas' theory, if people define situations as real, it is real in its consequences. As a result, groups begin to present their differences with the opposing group as a threat to security for members of the community. These perceived (either traceable or provoked) threats can serve as incentives

Ачкасов Валерий Алексеевич — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; val-achkasov@yandex.ru

Achkasov Valery A. — Doctor of Political Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; val-achkasov@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

for preventing attacks or ethno-political mobilisation of other groups as a response, which in turn can be interpreted by the leaders of the other groups as a threat to their security. Thus, “the efforts of each participant to ensure their own security, on the contrary, increases the probability of armed conflict”, because they generate a mobilisation spiral, and can lead to the initiation of violent acts. Refs 15.

Keywords: security dilemma, ethno-political conflict, ethnic entrepreneurs, mobilisation spiral.

Концепт «дилемма безопасности» появился в 1970-е годы в рамках теории международных отношений для интерпретации причин и динамики межгосударственных конфликтов. Так, согласно представлениям Р.Джервиса, дилемма безопасности возникает, когда государство/группа государств предпринимают шаги по укреплению своей безопасности, которые практически неизбежно воспринимаются другим/другими государствами как угроза, что ведет к шагам по укреплению их собственной безопасности, что может породить замкнутый круг и привести к эскалации кризиса в отношениях между ними [1].

Однако достаточно скоро данный концепт был использован для исследования динамики этнополитических конфликтов. Как полагают американские исследователи Ирениус Эйбл-Эйбесфельд и Френк Зелтер, «мирное сосуществование различных этнических групп, несомненно, возможно, если ни одной группе нет оснований бояться господства других, а в более общем плане — если ни одна не ощущает себя в состоянии межэтнической конкуренции» [2, p. 49]. Такие условия могут существовать, по их мнению, только в рамках сильного и эффективно-го демократического государства (например, Швейцария), в котором реализуются следующие условия: сохранение монополии силы за государством, верховенство закона и правовое государство, суверенитет общества и государства, эффективный контроль за властью, демократическое участие граждан в принятии решений, обеспечение социальной справедливости. Если же государственные институты не предпринимают усилий, направленных на предотвращение политизации этничности, обеспечение коммуникации между этническими группами и обуздание их притязаний (или не имеют возможностей и ресурсов для этого), если слабы или отсутствуют посреднические институты гражданского общества — возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности. По мнению американца Б.Позена, дилемма безопасности возникает в межэтнических отношениях в условиях ослабления или коллапса центральной власти, что открывает «окно возможностей» перед «этническими предпринимателями» меньшинств государства. Однако при таких обстоятельствах националистическая мобилизация одной из групп может интерпретироваться другой как угроза, особенно при наличии негативного исторического опыта в их взаимоотношениях. При этом следует учитывать, что существует тенденция «преувеличивать различия между политическими группами и преуменьшать разнородность внутри самих групп» [3, p. 108–109]. Другими словами, как правило, переоцениваются не только сплоченность самой группы, но и ее отличия от других групп. Более того, существует тенденция «объяснять поведение “чужих” групп, ссылаясь на их корыстные интересы или намерения, в то время как поведение “своих” считается обусловленным внешней средой. В результате кажущееся усиление “чужих” лишь укрепляет представление членов “своей” группы о том, что “чужие” целенаправленно стремятся к усилению своих собственных позиций за их счет» [3, p. 109].

Не случайно многие исследователи этнополитических конфликтов считают, что они порождаются ощущением угрозы безопасности, возникающей у членов одной этнической группы в ситуации, когда им неизвестны намерения другой этнической группы, к которой они настроены враждебно или которой приписывают враждебные намерения [4]. «При этом не имеет значения, реальна эта угроза или нет: согласно теореме (или аксиоме) Томаса, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим следствиям» [5, с. 415].

В результате стороны начинают представлять свои противоречия с противоположной группой как реальную угрозу безопасности для членов данного сообщества. Эти ощущаемые (приписываемые или провоцируемые) угрозы могут служить стимулами для упреждающей атаки или, по крайней мере, для ответной этнополитической мобилизации, которая, в свою очередь воспринимается или интерпретируется лидерами другой группы уже как угроза их безопасности. Это порождает мобилизационную спираль и может привести к началу насильственных действий. Таким образом, «усилия каждого из участников по обеспечению собственной безопасности приводят, напротив, к возрастанию вероятности вооруженного столкновения» [6].

Отсюда «циклическая природа» многих этнополитических конфликтов. Мобилизация одной из сторон конфликта, как правило, ведет к соответствующей контрмобилизации ее противников. Эскалация конфликта одной стороной практически гарантирует ответную аналогичную реакцию другой. В результате участники конфликта попадают в «деструктивную ловушку» (Э. Гидденс), т. е. ловушку взаимного нагнетания вражды, конфликт раскручивается по спирали, и одна из сторон в конце концов срывается в насилие. Насилие порождает ответное насилие, и конфликт развивается как обмен ударами. Изначальный повод нередко забывается, и ему на смену приводятся все новые и новые аргументы, интенсифицирующие конфликт. Отсюда еще одна особенность этнополитического конфликта — «подвижность самих смыслов и их легитимации. Почти во всех случаях первоначальные лозунги борьбы быстро забывались или осознанно менялись на другие», отмечает В. А. Тишков [7, с. 646]. Новые смыслы и аргументы применяются политиками для поддержания мобилизованности противостоящих сообществ. В результате порочный круг оказывается очень сложно разорвать и вернуться к решению изначально поставленной проблемы¹.

При этом в условиях межэтнического конфликта, имеющего глубокие исторические корни и уже переросшего в вооруженную форму, очень часто «зверства, совершаемые конкретными людьми, скрываются за национальными ярлыками, и ответственность возлагается на целый народ. Когда конкретные убийцы уничтожали мирных жителей во имя нации, в тех, кому удалось спастись от этих зверств, тоже пробуждалось чувство ненависти на национальной почве. Когда месть была осуществлена, то выжившие с обеих сторон видели друг в друге врагов, напавших первыми, пропагандисты (этнические предприниматели. — В. А.) приравнивали обе стороны конфликта к нациям, которые они представляли. Благодаря предсказуемым актам мести, националистической риторике и силе языка то, что началось с нападений небольшого количества людей на ряд населенных пунктов, переросло

¹ Однако и мобилизация одной из сторон этнополитического конфликта при демобилизации другой серьезно затрудняет, по мнению исследователей, возможность диалога и поиск компромиссных решений, делая практически неизбежным перерастание конфликта в манифестную фазу.

в войну одного народа с другим» [8, с. 194–195]. Такова, по мнению Тимоти Снайдера, политическая логика всех этнических чисток, в том числе чисток, переросших в гражданскую войну украинцев против поляков в Галиции и на Волыни в 1941–1944 гг. Он же отмечает особую роль «третьей силы» — немецкой оккупационной власти в эскалации вооруженного межэтнического конфликта: «После 1941 г. немецкие оккупанты, — пишет Снайдер, — предложили украинцам на Волыни организовать преследования поляков (занимавших до Второй мировой войны привилегированное положение в Галиции и на Волыни. — В. А.) (в 1941–1942 гг.), а затем дали полякам возможность ответить украинцам той же монетой (в 1943–1944 гг.). Обычно эти меры предпринимались с целью поддержания порядка — разделение было инструментом властвования, а не самоцелью, хотя зачастую оно приводило к росту численности и лучшему вооружению партизанских отрядов, сформированных по национальному признаку» [8, с.173].

Как представляется, эта политическая логика универсальна, поскольку дилемма безопасности повышает вероятность эскалации насилия между этническими группами и создает труднопреодолимые сложности для потенциальных медиаторов и одновременно дополнительные возможности для провокации конфликта. В данных условиях каждая из сторон будет (обоснованно или нет) ожидать, что другая группа воспользуется слабостью и/или потворством со стороны государства/власти и нанесет удар или протолкнет свою «политическую повестку дня». В целях самозащиты противостоящая группа почти неизбежно предпримет из предосторожности упреждающие меры, которые, однако, могут быть интерпретированы противоположной стороной как угроза или акт агрессии (К. Цюрхер).

Опыт СССР и России показал, — отмечает В. А. Тишков, — что в переломные, кризисные эпохи, когда прежняя этническая иерархия рушится, а ослабление позиций доминантных групп позволяет миноритарным сообществам, прежде всего этническим, добиваться изменения своего статуса, получать различные преференции в сфере культуры, доступа к ресурсам и власти. Причем этнические элиты нередко пытаются форсировать эти процессы под лозунгом «восстановления справедливости», понимая, что фактор времени может играть решающее значение и нужно быстрее определить, какой «кусочек пирога» им достанется. Все это ведет к политизации этничности, к росту этнонационализма и усилению конфликтности в сфере межэтнических отношений [7, с. 638].

Действительно, практически все вооруженные конфликты на постсоветском пространстве, как и в бывшей Югославии, обосновывались с помощью доктрины «этнонационального самоопределения» и породили дилемму безопасности. Западные эксперты отмечают, что главной задачей для посткоммунистической Югославии было разрешение «дилеммы безопасности» для национальных меньшинств. Так, С. Л. Вудурт, проанализировав ситуацию в Югославии на рубеже 80–90-х годов XX в., убедительно продемонстрировал, что кумулятивный эффект экономического кризиса, усугубившего экономическое неравенство между республиками слабого центрального государства, разыгрывания «националистической карты» лидерами всех республик федеративной Югославии и признания другими странами составляющих ее наций (прежде всего признание ФРГ независимости Словении и Хорватии), которые еще не были способны действовать как «государства», создал дилемму безопасности для меньшинств (в первую очередь сербов) в новых

признанных государствах, что, несомненно, способствовало эскалации этнополитических конфликтов и перерастанию их в вооруженные [9].

В Сербии национализм выступил на первый план, когда в 1987 г. коммунистический лидер Слободан Милошевич, впервые после Тито, стал разыгрывать националистическую карту, — пишет Д. Смит. — В следующие два года последовала реакция, сначала в Словении, потом в Хорватии. Как только лидеры разных республик подхватили риторику националистического противостояния, появилась движущая сила, которая, в сочетании с системой чередующегося президентства, привела страну к распаду.

Однако следует понимать, что Милошевич действовал не из стремления развалить Федерацию. Его первоначальной целью было мобилизовать поддержку, чтобы захватить контроль над правящей партией (а значит, и властью в Сербии. — В. А.). Примером того, как Милошевич использовал широкое недовольство в своих целях, стал 50-страничный меморандум, выпущенный Сербской академией искусств и наук в 1986 г. В этом ставшем знаменитым документе шестнадцать ученых, используя разнообразные аргументы, выражали протест против ущемления прав сербского населения, закрепленного в югославской конституции 1974 г., и особенно против геноцида сербов в Косово.

В данной ситуации не имеет значения, верил ли Милошевич в эти обвинения и чувствовал ли сам обиду и несправедливость, которые использовал для политической мобилизации. ...Ключевым вопросом было то, ощущало ли несправедливость и угрозу само население, и смогли бы (и стали бы) это использовать разные политические лидеры... Так в бывшей Югославии ни Слободан Милошевич, первый разыгравший националистическую карту, ни лидер Словении Милан Кучан, который сделал это позже, не отличались до этого националистическими взглядами. Напротив, лидер Хорватии Франьо Туджман, лидер мусульман Боснии Алия Изетбегович и несколько претендентов на роль лидера косовских албанцев (Ибрахим Ругова, лидер «Освободительной армии Косова» (ОАК) Хашим Тачи и др. — В. А.) могут считаться принципиальными националистами. Несмотря на различия в установках на личном уровне, они пришли к власти примерно по одному и тому же сценарию, ключевым элементом которого была всеобъемлющая мобилизация на базе лозунга о национальной несправедливости. Это соперничество жалоб на несправедливость и создало ту взрывоопасную смесь, которая разорвала Югославию на части [10, с. 127–128].

Немецкий этнолог И.-М. Гревверус, критикуя хорватских этнологов за политически ангажированные «усилия по виктимизации» (конструированию «комплекса жертвы») у хорватов в период распада Югославии, справедливо заметила, что путь от состояния жертвы определенного врага до превращения в «профессиональную жертву» ради формирования национального образа и реализации национальных претензий может быть очень коротким [цит. по: 11, с. 466]. Действительно, очень скоро выяснялось, что «образ жертвы» был необходим, чтобы освободиться от моральных и гражданских обязательств и ответственности за свои действия во имя исторического реванша и как аргумент для выхода из правового пространства и оправдания вооруженной борьбы за «национальное самоопределение» [12, с. 193]. Способами формирования «комплекса жертвы» и дегуманизации противника могут быть: спекуляции вокруг числа пострадавших в начавшемся или имевшем место в прошлом конфликте; спекуляции вокруг вопроса о виновниках конфликта (кто первым его начал, тот и виноват во всех утратах); активное использование рассказов и слухов, которые должны демонстрировать жестокость одной из сторон конфликта. Как отмечает в связи с этим М. Игнатъевф, «мифы о невиновности и жертвенности

представляют собою серьезные препятствия на пути осознания ответственности, в равной мере как и мифы о жестокостях противоположной стороны» [13, р. 176].

Исследователи подчеркивают, что в постсоциалистических странах с особым упором демонстрируются беспрецедентность и уникальность страданий, испытанных народами новых государств особенно в тоталитарном коммунистическом прошлом. Словенский исследователь С. Флере пишет в связи с этим: «Картину распада Югославии можно представить как альянс этнических политиков (этнических предпринимателей. — А. В.) и интеллектуалов (так называемых независимых, оппозиционных или диссидентских интеллектуалов), сформировавших коалицию ради разжигания чувств этнической фрустрации и безотлагательного действия (объясняя причину кризиса своих государств в терминах несоответствия положения их нации внутри Югославской федерации). Старые и новые элиты того времени (в некоторых странах, например в Хорватии, политиков почти не было) использовали идеологию этнической ненависти для очернения других групп ради развала коммунизма, в борьбе за формирование новой политической элиты» [14, с. 60].

Кроме того, для эскалации конфликта и перерастания его в вооруженное противостояние или для обретения статуса жертвы и интернационализации конфликта этнические предприниматели могут организовывать провокации. Так, во время осады сербскими войсками города Сараево, в 1992 г. была расстреляна очередь за хлебом. Президент мусульманского анклава Боснии Алия Изетбегович обвинил в расстреле мирной очереди сербскую армию. Позже комиссия ООН выяснила, что расстрел очереди был организован самими мусульманами, для того чтобы спровоцировать вмешательство западных государств в сербо-мусульманский конфликт. Но уже ничто не могло остановить военное вмешательство Запада, было слишком поздно [15, с. 9].

Трагический опыт этнополитических противостояний и «войн идентичности» в современном глобальном мире способствовал утверждению в научном сообществе представления, «что миропорядок не может быть основан на этническом партикуляризме и что построение государственных институтов на основе признания и уважения этнокультурного многообразия, демократия согласия и справедливое распределение власти и ресурсов в сложных обществах являются единственными стратегиями построения жизнеспособных государств...» [7, с. 641] и преодоления дилеммы безопасности.

Литература

1. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. 285 p.
2. Ethnic Conflict and Indoctrination: Altruism and Identity in Evolutionary Perspective / eds Eibl-Eibesfeldt I., F. K. Salter. New York: Berghahn Books, 1998. 512 p.
3. Kowert P. Agent versus Structure in the Construction of National Identity // International Relations In a Constructed World / eds V. Kubalkova, N. Onufand, P. Kowert. New York: M. E. Sharpe, 1998. P. 103–124.
4. Harff B., Gurr T. R. Ethnic conflict in World Politics. 2nd ed. Boulder, CO: West-view, 2003. 568 p.
5. Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: АСТ; Астрель, 2011. 542 с.
6. Posen B. R. The Security Dilemma and Ethnic conflict // Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 103–124.
7. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. 653 с.

8. Снайдер Т. Реконструкция наций. М.; Вроцлав: Летний сад; Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езераньского во Вроцлаве, 2013. 412 с.

9. Woodward S. L. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington, D. C.: Brookings Institution, 1995. 536 p.

10. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бегрховского центра. М.: Наука, 2007. С. 116–131.

11. Тишков В. А. Чечня как сцена и как роль // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / сост. и отв. ред. В. В. Боcharов. Т. 2: Политическая культура и политические процессы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 464–481.

12. Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 376 с.

13. Ignatieff M. *The Warrior's Honor. Ethnic war and the modern Conscience*. L., 1999. 228 p.

14. Флере С. Причины распада бывшей Югославии: взгляд социолога // Социс. 2003. № 5. С. 52–61.

15. Лимонов Э. Гангстеры // Известия. 2014. 27 янв.

Для цитирования: Ачкасов В. А. Концепт «дилемма безопасности» в исследовании динамики этнополитических конфликтов // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 24–30. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.202

References

1. Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, Princeton University Press, 1976. 285 p.

2. *Ethnic Conflict and Indoctrination: Altruism and Identity in Evolutionary Perspective*. Eds Eibl-Eibesfeldt I., F. K. Salter. New York, Berghahn Books, 1998. 512 p.

3. Kowert P. Agent versus Structure in the Construction of National Identity. *International Relations In a Constructed World*. Eds V. Kubalkova, N. Onufand, P. Kowert. New York, M. E. Sharpe Publ., 1998, pp. 103–124.

4. Harff B., Gurr T. R. *Ethnic conflict in World Politics*. 2nd ed. Boulder, CO, West-view, 2003. 568 p.

5. Solovei T., Solovei V. *Nesostoiaivshaiasia revoliutsiia: Istoricheskie smysly russkogo natsionalizma* [Not coming revolution: Historical means of Russian nationalism]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2011. 542 p. (In Russian)

6. Posen B. R. The Security Dilemma and Ethnic conflict. *Ethnic Conflict and International Security*. Princeton, Princeton University Press, 1993, pp. 103–124.

7. *Etnichnost' i religiiia v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and religion in contemporary conflicts]. Eds V. A. Tishkov, V. A. Shnirelman. Moscow, Nauka Publ., 2012. 653 p.

8. Snaider T. *Rekonstruksiia natsii* [Nations' rebuilding]. Moscow, Summer garden Publ., Vrotslav, Kollegiia Vostochnoi Evropy im. Iana Novaka-Ezeran'skogo vo Vrotslave Publ., 2013. 412 p.

9. Woodward S. L. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington, D. C., Brookings Institution Publ., 1995. 536 p.

10. Smit D. Prichiny i tendentsii vooruzhennykh konfliktov [Reasons and tendencies of military conflicts]. *Etnopoliticheskii konflikt: puti transformatsii: stol'naiia kniga Begrkhovskogo tsentra* [Ethno-political conflict: ways of transformation]. Moscow, Nauka publ., 2007, pp. 116–131. (In Russian)

11. Tishkov V. A. Chechnia kak stsena i kak rol' [Chechnya as the stage and role]. *Antropologiia vlasti. Khrestomatiia po politicheskoi antropologii: v 2 t.* [Anthropology of power]. Ed. V. V. Bocharov. T. 2. *Politicheskaiia kul'tura i politicheskie protsessy* [Vol. 2. Political culture and political processes]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2007, pp. 464–481. (In Russian)

12. Tishkov V. A., Shabaev Iu. P. *Etnopolitologiia: politicheskie funktsii etnichnosti: uchebnik dlia vuzov* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow, Moscow University Publ., 2011. 376 p.

13. Ignatieff M. *The Warrior's Honor. Ethnic war and the modern Conscience*. L., 1999. 228 p.

14. Flere S. Prichiny raspada byvshei Iugoslavii: vzgliad sotsiologa [Reasons for Yugoslavia disintegration: the view of sociologist]. *Sotsis* [Socis], 2003, no. 5, pp. 52–61. (In Russian)

15. Limonov E. Gangstery [Gangsters]. *Izvestiya*, 2014. 27 January.

For citation: Achkasov V. A. The concept “security dilemma” on analysing the dynamics of ethno-political conflicts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 6. Political science. International relations*, 2016, issue 2, pp. 24–30. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.202

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2015 г.,
рекомендована в печать 11 февраля 2016 г.